

26.1.96.

Озеров Юрий Николаевич

181

Красная звезда - 1996 - 26 окт.

Евангелие от Озерова

Сегодня известному кинорежиссеру, лауреату Ленинской и Государственной премий, народному артисту СССР Юрию Николаевичу ОЗЕРОВУ исполняется 75 лет... А на одной из фотографий маленький Юра запечатлен рядом со Станиславским. Тут же, на стене, портреты родовитых пращуров. В меблированной под старину комнате, где мы ведем разговор, витает дух самой истории. Собеседник мой - неторопливый, радушный - удивительно органично вписывается в окружающее пространство. А разве, подумалось, жизнь и творчество этого человека - не деяния эпохи?

- Юрий Николаевич, для кинематографической среды вы, скажем так, не совсем типичны. Студент ГИТИСа, затем - кадровый военный, офицер-фронтовик. Окончили ускоренные курсы Военной академии имени Фрунзе, но после войны с армией расстались. Хотя, если иметь в виду ваше творчество, - ненадолго. Как оно все получилось?

- Вырос я в старой московской семье. Отец тридцать лет пел в Большом театре, был ведущим драматическим тенором. Выходил на сцену вместе с Шаляпиным, Пироговым, Обуховой. Мама моя - тоже коренная москвичка, прекрасная была женщина. Жили дружно. В доме у нас часто бывали Станиславский, Качалов, Москвин, Михозлс, Нежданова с Головановым, Новиков-Прибой... Так что с детства я полюбил искусство. И после школы поступил в театральный институт. Одновременно, а это был тридцать девятый, вышел приказ наркома Ворошилова: всех окончивших десятилетку юношей брать в армию. Так я и стал солдатом.

Прошел всю войну - от Москвы до Германии. Командовал взводом, и батальоном. В конце войны был помощником начальника оперативного отдела штаба армии. После штурма Кенигсберга меня в качестве оперативного офицера прикомандировали к коменданту города. Было нас таких двадцать офицеров, занимались тем, что наводили в городе порядок.

Наедине с мастером

Когда штурмовали Кенигсберг, пять дней просидел на досках - корректировал огонь. С тех пор вот плоховато слышу - контузия. Долго мне являлся во сне этот ад... Именно тогда, во время штурма, загадал: если останусь жив, то обязательно посвящу оставшиеся годы тому, чтобы рассказать о своем поколении, своей эпохе, страшной той войне.

И вот я - счастливый человек - остался жив. Окончил ВГИК. Снял ряд фильмов: «Арена смель», «Сын», «Кочубей», «Большая дорога»... Но все это время, обретая опыт, шел к главной своей теме - циклу художественных фильмов о Великой Отечественной войне. Мне снова повезло: в общей сложности удалось сделать шестнадцать полнометражных широкоформатных художественных фильмов. Последний из них - двухчасовой «Великий полководец Георгий Жуков» - был завершен в мае прошлого года...

- ...А первый, «Огненная дуга» из шестисерийного цикла «Освобождение», увидел свет еще в 1970-м. Почему, кстати, вы решили начать именно с Курской битвы?

- Потому, что начать с сорок первого года мы тогда не могли, это было запрещено. Начинать обязательно нужно было с крупной и громкой победы. Потом

уже, после успеха «Освобождения», которое закупили 114 стран, мы вернулись и к сорок первому, и к битве за Москву. Хотя даже «Освобождение» в общей сложности полтора года пролежало на полке, некоторые серии передельвались по два-три раза.

Мы ведь во многом были первопроходцами. Впервые показали немцев не карикатурно, а как умного и коварного врага. Впервые нормально показали Сталина - о нем официально всерьез замалчивалось. Ну и, конечно, Жукова, который тогда был в опале.

До того ведь доходило, что Сталина снимали тайно, по ночам. И потом, когда все это показали, многие чуть в обморок не попадали. Один лишь эпизод: на закрытый просмотр приехали

министры обороны Гречко и начальник Главпура Епифанов. Сели. Посмотрели, молча встали и пошли. Я буквально хватаю Гречко за штаны: как, мол, товарищ маршал? «Хочешь, - говорит, - чтоб я тебе сказал? А я вот тебе не скажу...» Такое было время: даже Гречко, герой и маршал, - и тот боялся сказать лишнее...

- Зато потом, когда разрешили говорить все или почти все, вам поставили в упрек реабилитацию Сталина.

- Для нас главным критерием была объективность. Что поделаешь, если Сталин тридцать лет был царем, если он - наша история. Как, например, у французов? Кто-то поклоняется Наполеону, кто-то, напротив, его клеймит. Но он у них есть, и никому не приходит в голову выбрасывать его из истории. Вот и Сталина нужно не отрицать, а серьезно изучать его феномен.

Однако если говорить о фильме, то для всех нас гораздо важнее было другое: впервые на экране появился образ Георгия Константиновича Жукова.

- Вы ведь знали его лично?

- Я имел честь воевать под его знаменами и быть с ним лично знакомым еще во время войны. Это дало мне основание в 1965 году, когда началась работа над фильмом, просить Георгия Константиновича быть главным военным консультантом.

Я поехал к нему в Рублево, мы с ним вкратце переговорили, и через несколько дней он вместе со своей женой Галиной Александровной приехал ко мне на квартиру - на встречу со сценаристами. Там уже были Юра Бондарев, Оскар Курганов, польский писатель Чешка и югославский - Диклич. Все они были очарованы, потрясены жуковским обаянием, его высокой интеллигентностью. Георгию Константиновичу замысел понравился, он согласился с нами работать и подписал договор.

Но на следующий день, когда я пошел к министру кино Романову, разразился страшный скандал. Пришлось опять ехать к Жукову. «Георгий Константинович, - сказал я ему, - простите, вас не хотят утверждать военным консультантом». Он, конечно, расстроился. «Я знал, - отвечает, - что так будет. Ну ничего, это им еще зачтется».

И хотя Жуков не был официальным консультантом, он нам очень помог. В частности, дал рукопись своих мемуаров, которые пять лет не издавались, - мы их использовали как пособие. Потом Георгий Константинович рекомендовал нам генерала Штеменко. А на роль самого себя - актера Ульянова. Жуков, который был театралом, и здесь не ошибся: Ульянов создал интереснейший образ.

- Я так понимаю, что сам Георгий Константинович успел посмотреть первые серии?

- К сожалению, нет. Он вскоре заболел. Сначала у него случился инфаркт, потом инсульт. Все эти годы травли, издевательства сыгнали свою роль. Галина Александровна, жена, приезжала смо-

треть, а он так и не увидел. - Вот вы упомянули о новом фильме «Великий полководец Георгий Жуков». Насколько мне известно, прокатная его судьба не сложилась. Почему?

- Мы просто не могли не сделать фильм о маршале Жукове, с именем которого связаны крупнейшие битвы и победы. Премьера фильма состоялась в конце мая в киноцентре «Москва», но на широкий экран он так и не вышел. Во-первых, из-за развала кинопроката, а во-вторых, из-за мощной цензуры кошелька. Сегодня, увы, гораздо выгоднее показывать глупейшие мыльные оперы вперемежку с третьесортными американскими боевиками. Отечественная история - товар не ходовой. Да и не может она быть товаром!

- Надо полагать, речь не только о «жуковском» фильме. Давно уже не показывали «Освобождение», «Солдаты свободы», «Битва за Москву». Ну а «Сталинград» мне, например, и вовсе не удалось посмотреть.

- А он, собственно, и не шел. В восемьдесят девятом году в столичном кинотеатре «Октябрь» была премьера. Потом негатив - широкоформатный вариант, другого нет - захватила Украина. Как раз там, в Киеве, и находится негативная фабрика. Пытались было вернуть эти материалы обратно, но с нас потребовали огромные деньги. Идиотизм какой-то...

Но если бы дело заключалось в одном только «Сталинграде»! Как я уже говорил, в прошлом году мы целиком завершили весь цикл - киноэпопею о второй мировой войне «Трагедия века». Вошло туда все, что было снято за тридцать лет работы, начиная с «Освобождения». Плюс большое количество неизвестной кинохроники.

Это были сумасшедшие съемки - по сложности, организации, географии, взаимодействию родов войск. Сменялись политические режимы и идеологии, умирали актеры, а мы все работали. Роль Сталина, как и Черчилля, играли три актера, «Гитлера» было два. Снимали в под-

линных исторических местах, с участием двенадцати стран. Средствами художественного кинематографа были воссозданы все главные сражения второй мировой. Причем с использованием настоящей, в том числе реконструированной, боевой техники. Одних лишь танков целая сотня! В последнем фильме - до тысячи взрывов в кадре, а каждый взрыв - это два килограмма тола и обеспечивающий сапер. Прямо через войска - до трех тысяч солдат в кадре - стреляла артиллерия...

Словом, кино уникальное, дорогого такого, думаю, никогда больше не будет. Надо сказать и то, что съемочная группа состояла в основном из фронтовиков. Например, оператор Игорь Слабневич, лауреат Ленинской, Государственной премий и «Оскара» (премию американской киноакадемии он получил за операторскую работу в фильме Меншова «Москва слезам не верит»), - бывший танкист, горел в танке. Замечательный человек и хороший мой друг. Народный художник России Александр Мягков - тоже солдат Великой Отечественной. Ну и так далее.

Телеверсия «Трагедия века», а это 24 серии, готовилась к показу накануне 50-летия Победы. Был заключен договор с «Останкино». Но потом, когда власть на первом канале перешла к ОРТ, сериал лег на полку. Обещали, правда, показать в сентябре, октябре, затем под различными надуманными предлогами и вовсе «похоронили». Что будет дальше - не знаю.

- Невеселый получается разговор, совсем не «юбилейный»...

- Что поделать. Вы только не подумайте, что я жалуясь. Как бы там ни было, жизнь рано или поздно все расставит на свои места. Убежден, что продолженная работа - капитал для грядущих поколений. Это, образно говоря, Евангелие о войне от Озерова. Главную свою миссию на земле я выполнил.

Беседу вел Владислав ПАВЛЮТКИН, «Красная звезда». Фото Михаила СИДЕЛЬНИКОВА.